«МЯГКАЯ СИЛА» ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК: 32.019.51
ББК: 66.042
DOI: 10.22394/2304-3369-2020-3-20-30

ГРНТИ: 11.15.89
Код ВАК: 23.00.02

Д.А. Попцов
Правительство Свердловской области,
Екатеринбург, Россия

АННОТАЦИЯ:

Цель. Произвести комплексный анализ концепта публичной дипломатии. Зафиксировать основные этапы его трансформации. Оценить влияние на данный процесс развития информационных коммуникаций, роль информационно-психологического воздействия для формирования общественного мнения. Сопоставить использование информационных коммуникаций в рамках публичной дипломатии, и в рамках «гибридных конфликтов».

Методы. На основе исследований отечественных и зарубежных ученых проводится анализ основных направлений и механизмов информационно-психологического воздействия. Определяются источники и средства «мягкой силы». На основе изложенных теоретических подходов осуществляется систематизация основных понятий, изложенных в статье.

Результаты. В статье публичная дипломатия рассматривается как часть инструментария «мягкой силы». Выделяются четыре основные модели публичной дипломатии. Приводятся причины трансформации публичной дипломатии в XXI веке в том числе за счет появление новых механизмов влияния, прежде всего, цифровых СМИ. Делается вывод, что использование информационных коммуникаций является ключевым инструментом достижения поставленных целей и в рамках публичной дипломатии, и в рамках изменившегося подхода к применению национальных вооруженных сил в условиях глубокой трансформации вооруженных конфликтов. Приводятся концептуальные подходы к феномену гибридных конфликтов в контексте развития стратегии непрямых действий. Фиксируется изменение роли публичной дипломатии и ее инструментов в новых геополитических условиях.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении концепта публичной дипломатии как составной части инструментария «мягкой силы», а также в сопоставлении «гражданского» и «военного» подходов к использованию публичной дипломатии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мягкая сила, публичная дипломатия, цифровые СМИ, информационные операции, психологические операции, гибридные конфликты, гибридная дипломатия, стратегия непрямых действий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Дмитрий Александрович Попцов, Аппарат Губернатора и Правительства Свердловской области, 620031, Россия, г. Екатеринбург, пл. Октябрьская, д. 1, polden2020@yandex.ru

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попцов Д.А. «Мягкая сила» публичной дипломатии в контексте современных информационных коммуникаций // Вопросы управления. 2020. № 3 (64). С. 20–30.

© Попцов Д.А., 2020

Термин «мягкая сила» вошел в лексикон профессиональных дипломатов сравнительно недавно и связан главным образом с работами профессора Дж. Ная. Американский исследователь следующим образом определяет данный термин: «Мягкая сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [1].

Напротив, «жесткая» сила, или «жесткое» могущество, – это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны» [1].

Данное противопоставление – «мягкая сила» как добровольное участие и «жесткая сила» как военно-экономическое принуждение – является основным при выборе инструментов и методов достижения внешнеполитических целей. Так, среди главных источников «мягкого» могущества Дж. Най выделяет:

а) культурную привлекательность;

б) политические идеалы;

в) политические программы.

Считается, что его теория получила практическое развитие после 2007 года, когда в Соединенных Штатах Америки при Центре стратегических и международных исследований (г. Вашингтон) была создана специальная комиссия по вопросам применения «мягкой силы» [2].

Вместе с тем, еще в 1948 году начала свою работу Консультативная комиссия по публичной дипломатии (при Государственном департаменте США), в задачи которой входило в том числе распространение за рубежом информации о политике США.

Таким образом, практика использования культурной привлекательности, тиражирование сведений о превосходстве политической системы, политических идеалов для достижения целей по формированию благоприятного имиджа конкретной страны в глазах внешних наблюдателей не раз апробировалась и ранее.

Однако на системном уровне, как равнозначный инструмент «жесткому» могуществу, именно в концепции Дж. Ная «мягкая сила» представлена не как вспомогательный механизм, а как эффективная программа действий для достижения внешнеполитических целей.

Как представляется, выдвижение на первый план факторов культурной и политической привлекательности (которые ранее рассматривались в качестве дополнения к военно-экономическому могуществу) было связано с трансформацией международных отношений после разрушения блокового мышления и завершения эпохи «холодной войны».

Эти изменения, по мнению некоторых исследователей, способствовали трансформации публичной дипломатии, понимаемой как деятельность государства, направленной на оказание информационного воздействия на граждан другой страны, то есть на массовую аудиторию [3].

Отождествление публичной дипломатии и пропаганды, фиксировавшееся в годы холодной войны между США и СССР, способствовало тому, что в изменившихся геополитических условиях методы прямой пропаганды оказались менее востребованными, и, соответственно, прежние инструменты публичной дипломатии потеряли свое значение. Поэтому ряд экспертов считают, что концепт «мягкой силы», пришедшей на смену публичной дипломатии XX века, по сути обеспечил ее новое прочтение.

Следует подчеркнуть, что наряду с термином «публичная дипломатия» в настоящее время в отечественном политологическом дискурсе используется термин «общественная дипломатия», и в ряде случаев они рассматриваются как синонимы. Однако это не совсем верно, поскольку под общественной дипломатией прежде всего понимается взаимодействие на уровне неправительственных объединений и организаций (НКО), в то время как публичная дипломатия, безусловно, более широкое понятие, включающее в себя в том числе и взаимодействие на уровне НКО [4].

Отечественные исследователи выделяют четыре основных модели публичной дипломатии.

Первая модель, оформившаяся в годы холодной войны, предполагала длительное противостояние между двумя идеологическими антагонистами – США и СССР. В связи с этим ключевое значение в рамках ее реализации играла необходимость снижения градуса напряженности посредством информаци-

онного воздействия на граждан противоположной стороны конфликта, борьбы с пропагандой. Основными инструментами при этом выступали радио и телевидение как наиболее массовые каналы коммуникации, доступные широкой аудитории [5].

Завершение блокового противостояния в 90-х годах XX века способствовало развитию новой, *транснациональной*, модели публичной дипломатии [5]. Широкое развитие глобальных информационных сетей, стирание границ информационного обмена способствовали тому, что субъектами публичной дипломатии вольно или невольно стали многочисленные негосударственные структуры, будь то неправительственные организации, представители бизнес-кругов или различного рода неформальные объединения.

Примером использования такой модели могут являться события т. н. «арабской весны», в ходе которых оппозиционные силы, используя глобальные информационные возможности, в том числе социальные сети, не только обеспечили широкое освещение происходящих событий, но и получили международную поддержку. Последняя проявилась в виде оказания давления на национальные правительства со стороны мирового сообщества.

Отдельную и важную роль новые информационные возможности, новые медиа в рамках транснациональной модели, сыграли в части формирования негативного общественного мнения по отношению к национальным правительствам, использовавшим силовые структуры для противодействия оппозиции.

Однако в условиях отсутствия прямой конфронтации транснациональная модель способствовала появлению разнообразных практик, преимущественно связанных с адаптацией технологий PR-сопровождения и продвижения, но в контексте достижения уже внешнеполитических целей.

В результате, в дополнение ко второй модели публичной дипломатии появляется третий подход, направленный на привлечение иностранных PR-компаний и специалистов GR для проведения соответствующих кампаний, задачей которых является достижение конкретных целей: политических, экономических, гуманитарных [5].

Одним из успешных примеров такого рода практики является привлечение PR-компании *Hill and Knowlton* властями Кувейта для поддержки американским обществом военной операции «Буря в пустыне» против С. Хусейна.

Четвертая модель публичной дипломатии, рассматриваемая отечественными специалистами, это так называемая «колониальная дипломатия». Необходимость в использовании данной модели возникает в том случае, если завоеватели планируют встроить территорию в систему своего управления, в связи с чем выстраивают отношения с мирным населением.

Нетрудно заметить, что именно данная модель максимально соприкасается с военным измерением международных отношений, поскольку фактически направлена на адаптацию граждан подконтрольных территорий к новым политико-экономическим реалиям.

Среди ярких примеров использования такого подхода отечественные исследователи указывают кампанию Наполеона в Египте. Численность его армии оказалась недостаточной для того, чтобы навязать свою волю египтянам. Поэтому Бонапарт использовал другой подход – «колониальную дипломатию». Для налаживания отношений между Великой армией и местными жителями он привлек на свою сторону ученых (улемов), убедив их в почитании Корана и оказав воинские почести в своей штаб-квартире: «Это себя оправдало, и вскоре население Каира, как кажется, утратило всякое недоверие к оккупантам» [5].

В определенном смысле опыт Наполеона, но уже в реалиях Первой мировой войны, на Ближнем Востоке воплотил британский офицер Т. Э. Лоуренс (более известный, как Лоуренс Аравийский). Завоевав доверие вождей арабских племен, он обеспечил не только их лояльность колониальным войскам Великобритании, но и привлек их к боевым действиям против турецкой армии.

Успешно используя знания культуры, традиций и обычаев арабов Лоуренс сумел объединить их разрозненные силы в боеспособные иррегулярные формирования, выполнявшие широкий спектр задач в интересах командования Великобритании на Ближнем Востоке.

На примере указанных четырех моделей наглядно видно сочетание разных методов и подходов для достижения политических целей.

Первая модель, сформировавшаяся в условиях угрозы ядерного столкновения и крупномасштабного вооруженного конфликта, ориентирована на использование информационно-психологического воздействия в целях оказания влияния на идеологических антагонистов. Пропаганда и дезинформация становятся важнейшими инструментами этой модели. Объектами воздействия становится не только население страны – идеологического противника, но и свои граждане. Средствами реализации – каналы массовых коммуникаций (телевидение и радио, печатные СМИ). Основными участниками такого рода деятельности выступают специальные структуры, уполномоченные органами власти на донесение определенных политических установок. Другая отличительная черта первой модели – это крайне жесткий контроль над свободой слова, запрет на широкое тиражирование альтернативных точек зрения.

Вторая, *транснациональная*, модель, возникшая после слома блокового противостояния, хронологически совпала с эпохой бурного распространения компьютерных технологий и сети Интернет, а также открытием границ. В результате новые технологические возможности вкупе с развитием институтов гражданского общества существенно расширили имеющийся дипломатический арсенал. Помимо традиционных каналов доведения информации стали использоваться возможности некоммерческих объединений и организаций, бизнес-круги и т.д.

Третья модель – *привлечение специализированных PR-служб для лоббирования определенных целей* – в известной степени является результатом глобализации, появлением международных компаний и корпораций, имеющих свои подразделения на территории разных стран. Соответственно, такого рода бизнес-подход возможен лишь в условиях общего экономического и в какой-то степени политического пространства.

Четвертая модель на этом фоне является классическим вариантом публичной дипломатии, опирающейся на военную и экономическую мощь, культурное доминирование и профессионализм дипломатического корпуса.

Таким образом, изменение публичной дипломатии в современных условиях продиктовано как изменениями природы международных отношений (отказ от блокового противостояния при сохранении многополярного мира), так и технологическими изменения в сфере глобальных коммуникаций (единое информационное поле, доступность и открытость информационных ресурсов, их мультиформатность, скорость распространения информации и др.).

В 2010 году президенту США и конгрессу США был представлен концептуальный документ «Всесторонний четырехлетний обзор состояния и перспектив дипломатии и международного развития». Согласно данному документу предполагалось сосредоточить усилия по следующим направлениям:

1. «Активизация публичной дипломатии в отношении неправительственных и общественных организаций, неформальных объединений, коммерческих структур и национальных диаспор.

2. Корректировка практики оказания прямой безвозмездной помощи зарубежным странам в сторону ее большей увязки с вопросами торгово-экономической и кредитно-инвестиционной политики.

3. Расширение сферы деятельности Агентства США по международному развитию» [2].

Произошедшая в 2010-х годах трансформация дипломатической службы в США демонстрирует адаптацию к новым подходам. В качестве ее приоритетов сформулированы «укрепление государственных институтов, поддержка демократических движений и укрепление гражданского общества» [6].

В этом плане обращает внимание то, что по взглядам специалистов Североатлантического альянса, публичная или общественная дипломатия «включает совокупность форм и методов, сил и средств пропаганды, а также способов группового общения, используемых для разъяснения политики НАТО, содействия в проведении военных операций и решении других задач» [6].

Это определение наглядно демонстрирует взаимодополняемость «гражданского» и «во-

енного» подходов к публичной дипломатии: ее инструментарий может быть легко адаптирован к решению задач в интересах разных субъектов, инициирующих информационно-психологическое воздействие.

Основное различие в данном случае – это набор средств, которые могут быть использованы при реализации публичной дипломатии. Так, в рамках «гражданского» подхода предполагается отказ от использования дезинформации или прямой пропаганды, предпочтение отдается более тонким и одновременно долговременным инструментам воздействия на общественные структуры (программы обмена, культурные связи, экспертные встречи и др.).

В рамках «военного» подхода, напротив, избирательная интерпретация данных, борьба с фейк-ньюс, размещение определенных пропагандистских сюжетов рассматривается как необходимая и важная составляющая.

Таким образом, публичная дипломатия в 2000-х годах претерпела определенные изменения с точки зрения своих целей, а также инструментов, применяющихся для их достижения.

В то же время современный зарубежный опыт использования «мягкой силы» демонстрирует доминирование инструментария «работы со смыслами», которые достигают целевой аудитории за счет привлечения широкого спектра каналов коммуникаций.

Чаще всего для формирования необходимой информационной среды, информационного фона, благоприятного для страны – инициатора «мягкого воздействия», используются следующие средства:

а) поддержка неправительственных организаций, которые могут оказывать влияние на внутреннюю политику посредством своей активности в политическом и/или протестном поле;

б) поддержка средств массовой информации через грантовые программы, взаимодействие с журналистским сообществом;

в) взаимодействие с политическими акторами – действующими политиками и представителями экспертного сообщества;

г) научно-просветительские программы и стажировки в рамках «академической мобильности»;

д) языковые программы и тренинги;

е) культурные проекты.

Остановимся подробнее на отдельных аспектах представленного инструментария.

Привлечение неправительственных организаций к решению задач по урегулированию кризисных ситуаций и/или реализации конкретных проектов обусловлено их специфической ролью в текущих социально-политических условиях.

Располагая обширной сетью разносторонних контактов, имея доступ в отдаленные районы и местности, непосредственно взаимодействуя с гражданами, неправительственные организации оказываются удобным проводником для реализации целей и публичной дипломатии и «мягкой силы».

В то же время данные организации обладают такими ограничениями, как квалификация их сотрудников для реализации функций публичной дипломатии, степень их информированности о ситуации или проблеме, объективность действий с точки зрения соблюдения баланса интересов сторон и другое.

На этом фоне использование средств массовой информации в целях формирования определенного взгляда на проблему или ситуацию в рамках взаимодействия с журналистским сообществом является, с одной стороны, классической практикой публичной дипломатии с периода холодной войны и ранее, а с другой – принимая во внимание уровень развития информационных технологий, открывает новые возможности.

Трансграничный характер действий глобальных информационных ресурсов, их круглосуточная доступность, персонифицированность, оперативность донесения сообщений и интерпретаций, полиформатность – все эти характеристики новых медиа активно используются заинтересованными сторонами в ходе конфликтных ситуаций. В итоге, «средства публичной дипломатии сопровождаются, а иногда подменяются средствами информационных войн» [5].

В то же время, при условии отсутствия конфликтной повестки, привлечение СМИ для формирования определенного образа, имиджа государства становится эффективной стратегией публичной дипломатии.

Взаимодействие с политическими акторами – действующими и бывшими политиками, представителями академических кругов, реализация образовательных программ и стажировок – еще один классический инструмент публичной дипломатии.

Эффективность такого рода действий носит долгосрочный характер, то есть результат, в отличие от использования потенциала средств массовой информации, достигается не сразу и в этом плане является отложенным. Однако с точки зрения потенциальных возможностей, открывающихся по итогам такого образовательного воздействия, подобного рода инструменты, безусловно, обладают особой результативностью.

Так, например, по некоторым данным, в 1962 году выпускниками различных американских обменных программ были «31 % членов бундестага, 53 % бундесрата и 70 % кабинета министров ФРГ» [5].

В то же время практика неформальных семинаров и встреч в рамках образовательных программ, по мнению некоторых исследователей, является успешной и в части разрешения конфликтных ситуаций. Так, в 60–70-е годы XX века была проведена серия семинаров с участием представителей Кипра, Израиля, стран Африканского рода. Их цель «заключалась в том, чтобы выявить искажения в восприятии ситуации каждого из участников конфликта, сделать его более адекватным и попытаться найти решения выхода из конфликта. В качестве организаторов семинаров выступили представители академических кругов» [5].

Языковые и культурно-просветительские программы в контексте публичной дипломатии могут быть отнесены к образовательным проектам и в этом плане также ориентированы на решение долгосрочных задач, связанных с формированием эффекта «привлекательности», который является важнейшей составляющей «мягкой силы».

Обобщая, можно отметить, что целевыми аудиториями для применения «мягкой силы» в рамках публичной дипломатии оказываются:

– государственные деятели, политики, парламентарии;

– журналисты;

– научные и экспертные сообщества;

– неправительственные объединения и организации;

– отдельные социальные группы (молодежь, военнослужащие и др.).

Таким образом, прагматическая задача «мягкой силы» заключается в формировании внутри конкретной страны, которая является «объектом» воздействия, благоприятной для «субъекта» воздействия позиции лидеров, элит и граждан по отношению к политическим и экономическим действиям государства, в интересах которого происходит это воздействие.

Схожие цели преследует и *стратегия непрямых действий*, автором и разработчиком которой является Дж. Лиддел-Гарт – британский военный историк. Ученый обращает внимание на то, что с момента формирования устойчивых государственных образований стратегии непрямых действий использовались в вооруженных конфликтах. XX век является переломным с точки зрения методологии и инструментария стратегии непрямых действий, так как именно в это время происходит развитие информационных коммуникаций, а значит и рост возможностей влияния на лидеров, политические и экономические элиты, а также на граждан тех стран, которые являются участниками вооруженного противостояния [7].

То есть можно выделить два аспекта «мягкой силы»: первый, связанный с реализацией целей публичной дипломатии, и второй, преимущественно военный, в том числе в рамках стратегии непрямых действий в части опосредованного воздействия на политическую элиту и граждан государства-участника вооруженного конфликта, в первую очередь, за счет применения информационно-психологического воздействия.

В результате формируется среда международной коммуникации, в рамках которой провести строгое различие между «гражданским» и «военным» подходами к реализации публичной дипломатии становится достаточно сложно.

Так, поддержка НКО из-за рубежа может стать питательной средой для подготовки оп-

позиционных движений, хотя в то же время является одной из форм публичной дипломатии. Наглядный пример такого рода действий – события т. н. «арабской весны», серия «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Освещение внутриполитических событий ангажированными СМИ может способствовать таргетированию негативных ожиданий, избирательной трактовки происходящего, а в ряде случае – и прямом формировании необходимой визуальной картины. Такого рода приемы неоднократно использовались как в рамках освещения выборных процедур внутри конкретной страны, так и в ходе освещения протестных выступлений, связанных с нарушениями процедуры голосования, несогласия с результатами выборов.

С другой стороны, функционирование новостного потока в круглосуточном режиме при его одновременной доступности по времени практически в любой точке планеты, где имеется сеть «Интернет», открывает широкие возможности для разработки и реализации позитивных коммуникационных стратегий.

Пластичность инструментария публичной дипломатии, позволяющего использовать как «мягкие», так и «полумягкие» меры информационно-психологического воздействия на широкую аудиторию в зависимости от поставленной задачи, существенно затрудняет возможности своевременного выделения этапа (этапов), когда происходит трансформация используемых средств и их «мягкая» составляющая подменяется «жесткими» аспектами.

Следует отметить, что в настоящее время многие исследователи отмечают существенную трансформацию вооруженных конфликтов не только под влиянием новых технологий, вооружений и военной техники, но и в силу усложнения природы межгосударственных отношений, постоянно меняющейся повестки дня, смещения баланса интересов, вовлечения в конфликтные ситуации все большего количества участников, многие из которых не имеют четкой государственной принадлежности.

В результате на смену локальным конфликтам приходят гибридные столкновения, где используется широкий набор военных и невоенных средств, причем их сочетание диктуется спецификой конкретной ситуации и возможностями противоборствующих сторон.

По мнению ряда отечественных исследователей, понятие «гибридная война» возникло после окончания Второй ливанской войны на Ближнем Востоке в 2006 году, «которая продемонстрировала сочетание симметричных и асимметричных войн, тактики конвенционального и неконвенционального ведения боя, одновременное участие профессиональных солдат и ополченцев на одном театре военных действий» [8]. Одним из первых разработчиков термина является американский военный аналитик Ф. Хоффман.

В целом, характерной особенностью «гибридных» действий является выполнение силовыми ведомствами функций, не связанных с классическими военными действиями. Ярким примером задач такого плана является борьба с нерегулярными, повстанческими формированиями, пользующимися поддержкой местного населения.

Американский генерал Петереус в ходе осмысления опыта действий американских войск в Ираке в 2003 году выдвинул тезис, что регулярные войска должны установить доверительные отношения с населением, обеспечивая не только безопасность граждан, но и распространяя на них определенную «культурную проекцию» путем установления доверительного общения, формирования позитивного имиджа.

В результате «созданная Петереусом социально-центричная стратегия борьбы с повстанцами, по сути, подпадает под определение публичной дипломатии: иностранное государство в лице своих вооруженных сил напрямую взаимодействует с иностранным обществом, устанавливая с ним доверительные отношения» [8].

В то же время эволюция военных конфликтов после 2010 года продемонстрировала, что многие функции регулярных военных формирований могут выполнять частные структуры, в том числе обеспечивать безопасность, устанавливать контроль над определенными объектами, осуществлять патрулирование и т. д.

Поэтому закономерна позиция специалистов Североатлантического альянса, полагающих, что «гибридные операции» являются ме-

роприятиями, согласованными по целям, задачам, месту и времени их проведения и направленным «на оказание требуемого воздействия на страну, осуществляемые без прямого и явного использования силовых структур» [9].

Отечественный исследователь С. Клименко отмечает, что под «гибридным конфликтом» понимается конфликт, «характеризующийся участием регулярных и нерегулярных военных сил (партизан, повстанцев и террористов) и включающий государственных и негосударственных акторов, объединенных общей политической задачей» [9].

В качестве форм и способов ведения «гибридных действий» ученый выделяет следующие:

– информационные операции, направленные на органы государственного и военного управления противника в интересах их принуждения к принятию выгодных для себя решений, нарушению координации действий, дезинформации;

– психологические операции, предназначенные для подавление морально-психологического состояния населения и вооруженных сил противника, формировании в обществе атмосферы недоверия и страха, провоцирования на деструктивные действия;

– кибернетические операции, осуществляемые в отношении государственной и коммерческой инфраструктуры противника для ее вывода из строя или получения закрытой информации;

– экономическое давление в виде санкционных ограничений для подрыва экономики государства-противника;

– протестные акции оппозиционных движений, деятельность агентов влияния, направленная на принятие выгодных решений, развертывание сепаратизма, обострение межнациональных и межконфессиональных противоречий внутри государства-противника;

– вооруженные нападения и диверсионные действия, осуществляемые местными нерегулярными формированиями и/или специальными воинскими формированиями без опознавательных знаков их государственной принадлежности [9].

Основными преимуществами «гибридных действий» являются, во-первых, невозможность четкой верификации государственной принадлежности сил, их осуществляющих, и, во-вторых, достижение поставленных целей без опасности военного ответа со стороны государства – объекта воздействия.

Следует подчеркнуть, что из указанного перечня форм и способов гибридных действий как минимум несколько неоднократно апробировались в рамках отработки задач публичной дипломатии в классическом понимании этого слова. Так, к примеру, информационные и психологические операции могут рассматриваться как инструменты прямой пропаганды, что предполагает в том числе и использование дезинформации.

Санкционные ограничения – способ, который неоднократно применялся для подрыва экономической мощи страны – объекта воздействия, при этом обоснование введения санкции, как правило, носило конъюнктурный характер, никак не отражающийся на временном промежутке их действия.

Наконец, использование агентов влияния и оппозиционных движений для достижения собственных внешне- и внутриполитических целей – прием, так же хорошо знакомый в историческом контексте как XX века, так и других эпох.

В связи с этим специфика гибридных операций связана, прежде всего, с технологическими изменениями, которые позволили, с одной стороны, расширить перечень используемых инструментов, а с другой – взаимоувязать их между собой в рамках единой стратегии, обеспечить скоординированность действий и оперативность реагирования на изменение обстановки.

Появление Интернета как глобальной сети, а также широкое распространение информационных систем разного рода и назначения, привлекаемым к реализации «гибридных действий», привели к трансформации понятия «психологическая война» в понятие «информационная война», введению в военный лексикон термина «информационная операция».

Американские эксперты под информационной операцией понимают «интегрированное использование в ходе военной операции информационных возможностей войск (сил) в

соответствии с военными целями операции и направленными на нарушение, искажение или контроль процесса принятия решения потенциальным или реальным противником при одновременной защите своих войск (сил) от аналогичных действий противника» [10].

Выделяют три основных вида информационных операций:

1. Стратегические коммуникации (*Strategic Communication*) – комплекс мероприятий, проводимых американскими вооруженными силами по согласованному информированию иностранных аудиторий о деятельности и взглядах американского военного ведомства по разным вопросам, а также направленных на продвижение и отстаивание национальных интересов в мире, склонение другой стороны на свою сторону или побуждение ее действовать в выгодном для США направлении. Данные мероприятия организуются с учетом и в поддержку программы публичной дипломатии, которая осуществляется Государственным департаментом.

2. Мероприятия по обеспечению связи с общественностью (*Public Affairs*) – это проводимые органами Министерства обороны США согласованные мероприятия по подготовке и распространению информации о деятельности и взглядах военного ведомства по тем или иным вопросам, направленные на создание благоприятного восприятия действий ВС американскими гражданами.

3. Военно-гражданские операции (*Civil-military Operations*) – проводимые командующим мероприятия по установлению, поддержанию, воздействию или использованию в своих интересах отношений ВС США с правительственными и неправительственными гражданскими организациями и властями, а также с гражданским населением на территории союзников, партнеров, нейтральных стран и противников с целью содействия и достижения оперативных целей США.

Приведенные определения информационных операций наглядно показывают, как «мягкая сила» в рамках расширения возможностей публичной дипломатии трансформируется в конкретные виды военных операций, осуществляемые армейскими подразделениями для достижения политических целей.

Гибридные угрозы в таком контексте являются комбинацией набора имеющихся инструментов как гражданского, так и военного характера, взаимоувязанных в единую систему и находящихся в тесной координации между собой.

Таким образом, использование информационных коммуникаций является ключевым инструментом достижения поставленных целей и в рамках изменившегося подхода к применению национальных вооруженных сил в условиях глубокой трансформации вооруженных конфликтов, и в рамках публичной дипломатии.

В целом, на основе приведенных данных, складывается картина эволюции концепта «мягкой силы» через трансформацию возможностей публичной дипломатии на базе произошедших технологических изменений в сторону формирования концепта «гибридная дипломатия» [11].

Главными особенностями такой «гибридной дипломатии» становится достижение поставленных целей за счет привлечения широкого набора как гражданских, так и военных средств, масштабное использование информационных технологий, тесная координация действий между дипломатическими и военными ведомствами, в том числе с опорой на специальные и иррегулярные формирования, избегание «жесткого» силового сценария или открытого конфликта.

В результате фиксируется серьезное размывание границ между реализацией мероприятий публичной дипломатии и проведением специальных операций, будь то информационных, психологических или с привлечением иррегулярных сил.

Смешение методов, средств и инструментов для достижения поставленных целей в силу их высокой пластичности и переходу к «мягкому» или «жесткому» варианту действий главным образом под влиянием изменения общего контекста ситуации является одновременно и вызовом, и возможностью как с точки зрения отработки определенных позитивных стратегий, так и с точки зрения защиты от них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения. Свободная мысль – XXI. 2004.

2. Балашин В. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 3. С. 34–37.

3. Шамугия И.Ш. Понятие «Публичная дипломатия» в теории международных отношений // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. С. 136–142.

4. Парубочая Е.Ф., Пискунов Н.В. Общественная дипломатия как инструмент реализации российской «мягкой силы» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 6. С. 197–207.

5. Публичная дипломатия: теория и практика. МГИМО: Издательство «Аспект пресс», 2017.

6. Олевский В. Общественная дипломатия на службе стратегической пропаганды НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 10. С. 9–16.

7. Лиддел-Гарт Дж. Стратегия непрямых действий. М.: Издательство АСТ, 2014.

8. Армии на современном Ближнем Востоке. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2018.

9. Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн» (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112.

10. Давыдов Д. Информационные операции как инструмент достижения целей военно-политического руководства США // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 10. С. 3–11.

11. Каберник В. От гибридных конфликтов к гибридной дипломатии // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-gibridnykh-operatsiy-k-gibridnoy-diplomatii/ (дата обращения: 10.02.2020).

12. Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Гибридный дракон и химера войны: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

"SOFT POWER" OF PUBLIC DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF MODERN INFORMATION COMMUNICATIONS

D.A. Poptsov
Government of Sverdlovsk Oblast,
Ekaterinburg, Russia

ABSTRACT:

Purpose. To make a comprehensive analysis of the concept of public diplomacy. To record the main stages of its transformation. To assess the impact on this process of development of information communications, the role of information and psychological influence for the formation of public opinion. To compare the use of information communications in the framework of public diplomacy, in the framework of "hybrid conflict".

Methods. Based on the research of national and foreign scientists, the analysis of the main directions and mechanisms of information and psychological impact is carried out. The sources and means of "soft power" are determined. On the basis of the theoretical approaches described, the systematization of the main concepts set out in the article is carried out.

Results. The article considers public diplomacy as part of the "soft power" toolkit. There are four main models of public diplomacy. The reasons for the transformation of public diplomacy in the XXI century, including the emergence of new mechanisms of influence, primarily digital media, are given. It is concluded that the use of information communications is a key tool for achieving these goals both in the framework of public diplomacy and in the framework of a changed approach to the use of national armed forces in the context of deep transformation of armed conflicts. Conceptual approaches to the phenomenon of hybrid conflicts in the context of the development of the strategy of indirect actions are presented. A change in the role of public diplomacy and its tools in the new geopolitical conditions is recorded.

Scientific novelty consists in a comprehensive review of the concept of public diplomacy as an integral part of the "soft power" tools, as well as in the comparison of "civil" and "military" approaches to the use of public diplomacy.

KEYWORDS: soft power, public diplomacy, digital media, information operations, psychological operations, hybrid conflicts, hybrid diplomacy, indirect action strategy.

AUTHORS' INFORMATION:
Dmitriy A. Poptsov, Staff of the Governor and Government of Sverdlovsk Oblast,
1, Oktyabrskaya Place, Ekaterinburg, 620031, Russia, polden2020@yandex.ru

FOR CITATION: Poptsov D.A. "Soft power" of public diplomacy in the context of modern information communications // Management issues. 2020. № 3 (64). P. 20–30.

REFERENCES

1. Nye J. "Soft power" and US-European relations. Free thought - XXI. 2004. [Nay Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropeyskie otnosheniya. Svobodnaya mysl' – XXI. 2004.] – (In Rus.)

2. Balashin V. "Soft power" as a tool of foreign policy of a number of foreign countries // Foreign military review. 2013. No. 3. Pp. 34-37. [Balashin V. «Myagkaya sila» kak instrument vneshney politiki rya√da zarubezhnykh stran // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2013. № 3. S. 34–37.] – (In Rus.)

3. Shamugia I.Sh. Concept of "Public diplomacy" in the theory of international relations // Topical issues problems of modern international relations. 2017. Pp. 136-142. [Shamugiya I.Sh. Ponyatie «Publichnaya diplomatiya» v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy // Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy. 2017. S. 136–142.] – (In Rus.)

4. Parubochaya E.F., Piskunov N.V. Public diplomacy as a tool for implementing the Russian "soft power" // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2018. Vol. 23. No. 6. Pp. 197–207. [Parubochaya E.F., Piskunov N.V. Obshchestvennaya diplomatiya kak instrument realizatsii rossiyskoy «myagkoy sily» // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 23. № 6. S. 197–207.] – (In Rus.)

5. Public diplomacy: theory and practice. MGIMO: Aspect Press Publishing house, 2017. [Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika. MGIMO: Izdatel'stvo «Aspekt press», 2017.] – (In Rus.)

6. Olevsky V. Public diplomacy in the service of strategic propaganda of NATO // Foreign military review. 2017. No. 10. Pp. 9 -16. [Olevskiy V. Obshchestvennaya diplomatiya na sluzhbe strategicheskoy propagandy NATO // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2017. № 10. S. 9–16.] – (In Rus.)

7. Liddell-Garth J. Strategy of indirect actions. Moscow: Publishing House AST. 2014. [Liddel-Gart Dzh. Strategiya nepryamykh deystviy. M.: Izdatel'stvo AST, 2014.] – (In Rus.)

8. Armies in the modern Middle East, Moscow: Aspect Press Publishing House. 2018. [Armii na sovremennom Blizhnem Vostoke. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press». 2018.] – (In Rus.)

9. Klimenko S. Theory and practice of conducting "Hybrid wars" (according to the views of NATO) // Foreign military review. 2015. No. 5. Pp. 109–112. [Klimenko S. Teoriya i praktika vedeniya «gibridnykh voyn» (po vzglyadam NATO) // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2015. № 5. S. 109–112.] – (In Rus.)

10. Davydov D. Information operations as a tool for achieving the goals of the military and political leadership of the United States // Foreign military review. 2013. No. 10. Pp. 3–11. [Davydov D. Informatsionnye operatsii kak instrument dostizheniya tseley voenno-politicheskogo rukovodstva SShA // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2013. № 10. S. 3–11.] – (In Rus.)

11. Kabernik V. From hybrid conflicts to hybrid diplomacy // RSMD. URL: https://russiancouncil.ru/ (date of reference: 10.02.2020). [Kabernik V. Ot gibridnykh konfliktov k gibridnoy diplomatii // RSMD. URL: https://russiancouncil.ru/ (data obrashcheniya: 10.02.2020).] – (In Rus.)

12. Yegorchenkov D.A., Danyuk N.S. Hybrid dragon and Chimera of war: Monograph. Moscow: UNITY-DANA, 2019. [Egorchenkov D.A., Danyuk N.S. Gibridnyy drakon i khimera voyny: monografiya. M.: YuNITI-DANA, 2019.] – (In Rus.)